

Научная статья

УДК 882-054.72 (092) Ремизов
DOI 10.17223/18137083/79/5

А. М. Ремизов в изданиях С. М. Проппера (август 1914 – декабрь 1915 года)

Екатерина Евгеньевна Вахненко

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

katy250579@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2728-7465>

Аннотация

Публикация посвящена истории сотрудничества А. М. Ремизова с изданиями «Биржевые ведомости» и «Огонек» в период исторического слома. В контексте редакционной политики рассматриваются стратегии творчества писателя в начальный период Первой мировой войны, а также его общественная позиция и художественные ориентиры, отразившиеся в публичных выступлениях на страницах повременной печати. Война воспринималась Ремизовым как трагедия русского народа, слом традиций и устоев, разрушение нравственного и культурного мира современного человека. Основным материалом для писателя становятся старинные русские легенды, предания, апокрифы и сказки, которые способствуют обращению человека к нравственным принципам, общенациональным и духовным ценностям.

Ключевые слова

А. М. Ремизов, периодика, «Биржевые ведомости», «Огонек», редакционная политика, С. М. Проппер

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00007 «Наследие А. М. Ремизова в литературном процессе XX–XXI вв. Электронная научная система»

Для цитирования

Вахненко Е. Е. А. М. Ремизов в изданиях С. М. Проппера (август 1914 – декабрь 1915 года) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 66–79. DOI 10.17223/18137083/79/5

© Вахненко Е. Е., 2022

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 66–79
Siberian Journal of Philology, 2022, no. 2, pp. 66–79

A. M. Remizov in the periodicals of S. M. Propper (August 1914 – December 1915)

Ekaterina E. Vakhnenko

Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation
katy250579@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2728-7465>

Abstract

This work focuses on the history of cooperation between Alexei Remizov and the periodicals “Birzhevye Vedomosti” and “Ogonyok” during the period of a historical turning point. Creative strategies of the writer’s work during the beginning of the World War I, as well as his social position and artistic guidelines reflected in public speeches on the pages of the periodicals, are considered in the context of editorial policy. Remizov addressed mainly the Old Russian legends, traditions, Apocrypha, and fairy tales enabling an individual to keep moral principles, national and spiritual values. The corpus of his epistolary heritage has been found to be the documentary basis of the writer’s relationship with representatives of many editorial boards. Some of the corpus documents have been published while others are held in the archives of the Manuscript departments of the Russian National Library and Institute of Russian Literature (Pushkin House). The correspondence allows understanding not only the nuances of two men’s creative relationship but also the specifics of the editorial policy of the newspaper. To conclude, Propper’s print projects served a platform that offered Remizov an opportunity to respond creatively not only to the tragic events of the present but also to the key moments in the artistic life of society that affected him as a writer who reflected the era and, at the same, was reflected in it.

Keywords

A. Remizov, periodicals, “Birzhevye Vedomosti”, “Ogonyok”, editorial policy, S. Propper

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation, project no. 20-18-00007 “Alexey Remizov’s Heritage in the Literary Process of the 20th–21st Centuries. Electronic Scholarly System”

For citation

Vakhnenko E. E. A. M. Remizov in the periodicals of S. M. Propper (August 1914 – December 1915). *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 2, pp. 66–79. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/79/5

С началом Первой мировой войны все столичные и провинциальные периодические издания изменили содержательный формат. Не стали исключением и проекты мецената и общественного деятеля С. М. Пропера: газета «Биржевые ведомости» и еженедельник «Огонек». Они приобрели чрезвычайную популярность как в интеллектуальной аудитории, так и среди простого народа. С августа 1914 г. Проппер хотел закрыть «Новое слово» и «Огонек», но В. А. Бонди, редактор еженедельника, нашел способ сохранить издание, печатая на его страницах портреты офицеров, героев войны¹. В результате Пропперу удалось популяризировать журнал, к концу 1918 г. его тираж составлял более полумиллиона экземпляров.

¹ Иллюстрированный журнал «Новое слово» закрыт в августе 1914 г., а «Новая иллюстрация» (1901–1907; 1909–1916) почти не содержал литературного контента, вмещая сообщения и обширные фотокорреспонденции с театра войны.

Как и «Биржевые ведомости», «Огонек» был наполнен документальным и художественным содержанием преимущественно на военную тему. А. М. Ремизов, как и другие писатели, вынужден был скорректировать тематику и содержание произведений. Свой взгляд на войну писатель публично не высказывал, не публиковал «ура-патриотических» статей, очерков и рассказов о событиях на фронте и в тылу, но его позиция как представителя художественной элиты была однозначна: война воспринималась им как трагедия русского народа, слом традиций и устоев, разрушение нравственного и культурного мира современного человека.

С 4 мая 1914 г. Ремизов с супругой, С. П. Ремизовой-Довгелло, находился в заграничном путешествии. Известие о начале войны застало их в Берлине. В течение двенадцати дней продолжался нелегкий путь в Россию через Польшу и Швецию: Алленштайн, Данциг, Штеттин, о. Рюген, Треллеборг, Мальмё, Стокгольм, Лулео, Салмис, Хапаранда, Торнео. 31 июля чета Ремизовых вернулась в Петербург, вместе с другими русскими пережив ужас ареста на немецкой земле и длительного содержания под угрозой расстрела. Сразу же после возвращения Ремизов в рассказе «Полонное терпение» отразил с детальной точностью пережитый пленения и передал психологическое состояние трехсот соотечественников, оказавшихся под оружейной охраной, отношение к ним немцев. Рассказ был опубликован в «Огоньке» 17 августа (№ 33) с указанием даты: «1 августа 1914 г.». Это была единственная прижизненная публикация, в которой Ремизов обозначил начало работы над произведением; дата несла и смысловую нагрузку – указывала на день официального объявления Германией войны с Россией. Позже Ремизов включит «Полонное терпение» с посвящением С. П. Ремизовой-Довгелло в издание «За Святую Русь: Думы о родной земле» (Пг., 1915), но датировку снимет, поскольку хронология в контексте сборника утратила актуальность.

Это было первое выступление Ремизова, отразившее его антинемецкие настроения, что вполне соответствовало редакционному курсу «Огонька» и «Биржевых ведомостей», где с начала августа публиковались патриотические очерки – воззвания к народу, рассказы и маленькие фельетоны о войне.

С осени Ремизов возобновил сотрудничество с «Биржевыми ведомостями», прерванное в декабре 1912 г. В конце сентября – начале октября 1914 г. Ремизов интересовался древнерусскими сказаниями и летописями. Работая над рассказом «Свет необоримый: Святозерская повесть», он запрашивал материал у И. А. Рязановского, историка-этнографа, краеведа из Костромы, директора Романовского музея. В контексте реалий этот рассказ оказался очень уместным: обращение к древнерусской истории и сюжет о заступничестве высших сил за русскую землю был актуален в тематическом плане. Основу произведения составляют события разгрома монголо-татар войском Василия Ярославовича (1241–1276), младшего сына Ярослава Всеволодовича, брата Александра Невского, княжившего в Городце, явления князю и его войску иконы Пресвятой Богородицы.

Уникальным в контексте трагических событий является византийский цикл Ремизова «О днях последних: Сказания по списку червонно-русскому», предложенный Измайлову осенью 1914 г. (увидел свет 16 ноября, № 14498). В основу сюжетов положены тексты, восходящие к «Откровению», «Слову» средневекового епископа Мефодия Патарского, опубликованные в составе статьи академика В. В. Макушева. Из 19 текстов Ремизов выбрал три эсхатологических сказания: «История о жене Майдоне, царице безбожной и бестияльной», «Повесть о трех юношах, царях, братьях родных (о днях последних)», «Рацея о цари Михаиле, ка-

ко будет царем тридцать лет» [Макушев, 1881]². Тема апокалипсиса, безбожия и хаоса на русской земле прозвучала в легенде об отступнице Майдоне («Царица Майдона»), покровительнице разврата и гонительнице христиан, после четырех лет правления низвергнутой архангелом Михаилом в ад. В обработке Ремизова тема приобрела злободневное звучание через упоминание лобного места как места публичной казни преступников в Москве. В сказаниях «Три брата», «Последний царь» пророчески прозвучали темы междоусобной войны, народного бунта, краха христианского мира и его возрождения.

Редакционная политика газеты была направлена не только на отражение военных событий, но и на публикацию произведений, косвенно связанных с ними, о чем Измайлов неоднократно упоминал в письмах литераторам. Оба текста Ремизова прозвучали в унисон с современными реалиями, прочно связав их с историей Древней Руси.

С ноября 1914 г. Ремизов занимался обработкой народных сказок и легенд, посвященных Николаю Угоднику. Тематически они перекликаются с рассказом «Свет необоримый»: речь идет о заступничестве святого за русский народ и спасении Отечества в переломный момент истории. Несколько легенд, которые писатель хотел приурочить к Николину дню (6 дек. по ст. ст.), были предложены редакции, но в связи с перегруженностью издания политическим и военным материалом к печати было принято только сказание «Никола милостивый, угодник Божий»³, опубликованное в день памяти Святителя Николая Чудотворца. Эта легенда положила начало циклу николевских сюжетов⁴. Во вступлении и послесловии⁵ слово автора звучит как народная молитва: «Милостивый наш Никола, где бы Ты ни был, явись к нам! Скажи Спасу о нашей тяжелой страде, умири ильинский огонь, заступи, защити русскую землю, благослови русский народ Великим благословением своим на новую грядущую жизнь!» [Ремизов, 1914а, с. 2]. Мотив покаяния прозвучит и в рассказе «Камень драгий», посвященном описанию путешествия Ремизовых в Италию в мае 1914 г.: в Риме они поклонились мощам Алексея Божьего человека: «Стали мы на колени, в землю поклонились – за всю русскую землю. – Ты прости нас, Алексеюшка, грешных» [Ремизов, 1915а, с. 2].

В последующие два года в издания Проппера были приняты только четыре произведения из цикла: «Николин огонь: (Народная легенда)» (Огонек. 1915. № 49), «Николина порука: Народная сказка» (БВ⁶. 1915. № 15253), «Аника: Народная легенда» (БВ. 1916. № 16004), приуроченные по просьбе Ремизова к Нико-

² Подробнее о переработке легенд см.: Вахненко Е. Е. А. М. Ремизов в изданиях С. М. Проппера «Биржевые ведомости» и «Огонек»: к истории сотрудничества (1912–1914) // Сибирский филологический журнал. 2017. № 2. С. 43–58.

³ Легенда вошла в книгу «За святую Русь. Думы о родной земле» (1915); под названием «Николин дар» включена в сборники «Николины притчи» (1917), «Звенигород окликанный. Николины притчи» (1924); под заголовком «Дар» – в двухтомник «Три серпа: Московские любимые легенды (Ч. II)» (1929).

⁴ Ранее писатель уже обращался к сюжету о святом (Николай, угодник Мирнокиевский и триста старцев-иноков. Повесть и сказание // Голос Москвы. 1907. 25 дек. № 298). В изданиях за 1915–1916 гг. Ремизов разместил серию текстов о Николае Угоднике. См.: <http://pushkinskiydom.ru/remizov/Bibliografiay/index.html>

⁵ В «Николином даре» Ремизов уберет эти части, оставив только переложение народной легенды.

⁶ Здесь и далее в круглых скобках название газеты приводится в сокращении.

лину дню, когда православная церковь почитает память Святителя Николая Чудотворца, архиепископа Мир Ликийских. В новогоднем номере, продолжающем рождественскую тематику, опубликовано сказание «За Родину», в котором Ремизов, следуя народной традиции, представил святого в облике старика-странника, наказывающего мужика за разбой⁷. Соединив в облике святого черты сакрального образа с народными представлениями о нем, Ремизов, по замечанию Ю. Айхенвальда, представил «святого с мировоззрением, с известными привычками и особым складом ума и речи <...> он справедлив, он умеет быть строгим, и настоящей вины никому он не спустит и, кого нужно, непременно накажет» [Каменецкий, 1924, с. 3].

Подобные материалы, приуроченные к христианским праздникам, на страницах изданий Проппера публиковались и до войны, но в период трагического раскола эта традиция получила особое значение – укрепление народного духа и веры в небесных покровителей и защиту русской земли.

В этом же контексте к событиям Пасхи отнесен рассказ «Семь бесов» (БВ. 1915. № 14741) и цикл 1916 г. «Среди мурья и неурядицы» («Перчатки», «Свет нерукотворенный», «Звезды»), где в авторском лирическом предисловии выражена мысль о божьей милости и надежда на свершение высшей воли: «В дни народной страды, терпения, надежд и отчаяния <...> В дни веры и жертв, неволи и страха, кощунств и отъявленной подлости – после дневных забот и мелочей житейских, надувательства всякого и обмана, ожиданий напрасных, гнева и горечи, вдруг вижу звезды» [Ремизов, 1916, с. 2].

Интерес Ремизова к народному творчеству не остался незамеченным читателями. Весной 1915 г. в редакцию газеты поступили три эмоциональных письма, в которых Ремизову были предъявлены обвинения в плагиате и высказаны недоумения по поводу языка и стиля его произведений. В конце февраля – начале марта дочь приходского священника А. С. Андроникова потребовала от редакции не печатать сказки Ремизова, сюжеты которых были собраны ее отцом⁸, возмущившись двумя публикациями писателя «Никола милостивый, угодник Божий» и «Солдат»⁹. Сказки, опубликованные в «Биржевых ведомостях», напечатаны без авторских примечаний, что и вызвало ошибочное обвинение Андрониковой; в сборнике «Укрепля...» Ремизов укажет их источники, к тому же оба сюжета были широко известны читателю, популярны в среде фольклористов и литературоведов¹⁰.

В мае Измайлов получил два письма от неравнодушного читателя из Рязани Гиацинта. В первом послании содержалась просьба разъяснить, в чем заключается загадка непонятного языка Ремизова: «...Объясните мне, вопиющему в пустыне, что это значит? В чем разгадка ремизовского языка? Как может литературно образованный человек подносить читающей публике диковинный, никому не нужный, никому не понятный и действующий на нервы лексикон?» [Измайлов, 2017,

⁷ В рождественском номере 1915 г. Ремизов опубликовал святочный рассказ «На птичьих правах» (№ 15290), не связанный с избранной темой, соответственно, и с трагическими реалиями.

⁸ Народные сказки Костромской губернии, записанные в 90-х годах XIX ст. А. Андрониковым // Тр. Костромского науч. об-ва по изучению местного края. Кострома, 1914. Вып. 1. С. 127–141.

⁹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 256. Оп. 4. № 6. Л. 1.

¹⁰ Садовников Д. Н. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884; Афанасьев А. Н. Народные русские легенды. М., 1914.

с. 369]. Во втором запросе возмущенный автор, не найдя объяснения Измайлова исчерпывающими, просил передать корреспонденцию Ремизову для ответа. Из письма к Измайлову от 17 мая следует, что Ремизов получил оба послания [Измайлов, 2017, с. 371], но неизвестно, дал ли он ответ Гиацинту и Андрониковой. Эти письма не появились в газете, вероятно, Измайлов воспринял их как личные обращения, не стоящие публичной огласки.

Отражение общественного мнения в лице видных деятелей эпохи стало особенностью политики «Биржевых ведомостей» в военное время. Пока Измайлов руководил наполнением литературно-критического отдела газеты (до весны 1916 г.), популярным стал принцип анкетирования известных деятелей политики, литературы, искусства. С июля 1914 г. уменьшилось количество анкет и интервью, обзорных статей, посвященных деятельности представителей творческой элиты; в «Огоньке» перестали печататься сообщения о летнем времяпрепровождении писателей, художников, чиновников и артистов, ставшие с 1909 г. традиционными. Этот материал не считался злободневным, страницы газеты и журнала пополнились списками и фотографиями раненых и убитых героев, сведениями с театра боевых действий. Тема войны и событий на внешней политической арене превалировала в опросах интеллектуальной аудитории.

В «Огоньке» во время войны и революции на страницах журнала не появилось ни одного опроса. Этот способ общения с литературным и политическим электоратом был сохранен в «Биржевых ведомостях», но тематически значительно иссяк. Так, в 1914–1915 гг. редакцией газеты проводился сбор информации на темы, посвященные актуальным событиям в культурной среде. Измайлов старался сохранить традицию опроса, связанную с новогодними и рождественскими праздниками, но ракурс вопросов, обусловленный трагическими реалиями, всё же приобрел проблемный характер.

В декабре 1914 г. на страницах издания появились две анкеты, посвященные актуальности празднования Рождества и Нового года в условиях военного времени: «Отказаться ли от елки?» (№ 14556) и «Отказаться ли от встречи Нового года?» (№ 14584). Опросы были инициированы редакцией в связи с оживленной полемикой в прессе по поводу отказа соотечественников от немецких традиций. Аудитория, к которой обратился Измайлов, состояла из представителей церковной, академической, художественной и литературной элиты. В опубликованных сообщениях был дан однозначный ответ – сохранить обряд празднования Рождества, прочно вошедший в русский обиход. Вторая анкета касалась встречи Нового года и была связана с общественным прецедентом: митрополит петроградский Владимир возбудил ходатайство о запрещении традиционной встречи этого праздника в ресторанах в связи с немецким происхождением обычая.

Ремизов дал на оба вопроса высокохудожественные ответы в эссеистической манере, апеллируя к воспоминаниям, ощущениям душевной наполненности, сакральности празднования Рождества, рассуждая о древности немецкого обряда, принятого русским народом: «С какого месяца ни начинай год, – с марта ли, что было у нас до 1492 года, с сентября ли, что было у нас до 1700 г., с января ли, что и по сейчас есть, – год идет, что солнце, и народ другого года, указанного, не знает <...> А встретить его звездой, как Рождество Христово, т. е. взять обряд добрый, но совсем уж нерусский... лишь бы встретить с желанием, чистым сердцем, совестью и любовью к родимой земле» [Ремизов, 1914в, с. 4]; «И совсем уж взрослым я увидел в первый раз елку – ее зажгли у нас после всеобщей в рождественский сочельник – и помню, меня поразили тогда ее свечи, так памятные

мне и такие жаркие, а когда разглядел я, что горят свечи на крестиках елки, я понял крестный символ елки – крестного дерева, а когда узнал о нашем свадебном обряде – о елке “девьей красоте”... и до чего это проникновенно, елка – “девья красота” – Дева днесь Пресущественного рождает... когда все это я увидел и почувствовал, я принял ее, как нам родное и благословил ее моим русским сердцем» [Ремизов, 1914б, с. 4].

Рождественская тема в опросах продолжилась в художественном ракурсе. В начале декабря Измайлов отправил письма представителям литературной элиты с приглашением участвовать в анкете «Есть ли достаточные основания считать нынешнее Рождество последним кровавым Рождеством для человечества». Но традиционный рождественский номер вместо ответов на острый вопрос составили произведения жизнеутверждающего характера Измайлова, Блока, Гиппиус, Мережковского, Ясинского, Андреева, Сологуба. Ремизов поместил в выпуске сказку «Солдат» (БВ. № 14575), которая возмутила г-жу Андроникову. Этот текст – переработка народных вариантов сказки из сборников А. Н. Афанасьева и В. И. Даля¹¹, в контексте исторических реалий звучит как притча о воле Господней над судьбой человека, обреченного на смерть.

В начале декабря 1915 г. в газете появилась анкета «Следует ли авторам отвечать критике?», которая должна была, по замыслу редакции, дать читателям разъяснения в контексте тяжелой атмосферы, сложившейся в художественной среде. В это время на страницах периодической печати развернулась полемика о постановке драмы Л. Андреева «Тот, кто получает пощечины» в октябре на сцене Московского драматического театра, а в конце ноября – в Александрийском театре: поток критических статей обрушился на писателя, представившего пьесу, сложную для понимания и театрального воплощения. Измайлов в двух статьях (№ 15099, 15255) поставил вопрос о позиции автора, принимающего или отвергающего критику, предварительно обратившись к Андрееву и ведущим писателям с просьбой ответить на анкету¹². Но это был не единственный прецедент, вызвавший к жизни опрос: днем ранее вышла полемическая статья Ан. Чеботаревской «В защиту “военной” литературы» (№ 15249), в которой современная критика названа недалеккой и поверхностной.

Ответы писателей на анкету размещены в вечерних выпусках газеты с 5 по 8 декабря (взгляд на проблему изложили Ауслендер, Блок, Мережковский, Евреинов, Ремизов, Сологуб, Тэффи, Чехихин, Чеботаревская; итоги подвел Измайлов, сожалеющий о том, что никто из респондентов не поднял тему антикритики). Ответ Ремизова прозвучал в унисон с мнением собратьев по перу: «<...> лучше, не искушая ни себя, ни других, пускай поэты, вольные в своем творчестве, вольные писать какую угодно критику и разъяснения, поменьше стараются о критике, вникая в слово, в корень слова, в тайну слова, – в слово, от которого большое дело бывает, так что и никакого разъяснения не потребует» [Ремизов, 1915б, с. 4]. Мнение писателя является не только откликом на вопрос редакции, но и ответом рязанскому читателю и г-же Андрониковой.

Это был последний опрос, проведенный Измайловым на страницах «Биржевки»; в апреле 1916 г. критик покинул проект Проппера, принцип анкетирования он перенес в «Петроградский листок», где занял должность главного редактора.

¹¹ См. комментарий И. Ф. Даниловой к тексту: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 16: Полночное солнце. СПб.: Росток, 2020. С. 551.

¹² Андреев провел в газете ряд выступлений (см. № 15226, 15275, 15276).

В 1916 г. он обращался к Ремизову с просьбой о сотрудничестве [Измайлов, 2017, с. 380, 382], но публикаций писателя в издании не появилось.

С февраля по март 1915 г. в газете в разделе хроникальных заметок развернулся интригующий сюжет о постановке балета по сценарию Ремизова «Лейла и Алалей»¹³, не состоявшейся на сцене Мариинского театра. В середине августа 1914 г. в имении Польшовка в Новгородской губернии скончался А. К. Лядов, работавший над музыкальным сопровождением, и воплощение на сцене произведения Ремизова стало невозможным. Композитор создал два варианта к образному воспроизведению «море-океана» (финальная сцена): «он кому-то играл на фортепиано эти варианты» [Мейерхольд, 1914, с. 102], но после его смерти полной нотной рукописи найдено не было.

За осенней заметкой Мейерхольда на страницах газеты с февраля 1915 г. стали появляться сообщения редакции, «опровергающие» слух о якобы найденной рукописи Лядова, который возник явно не на пустом месте. Как утверждает исследователь К. Трибл, после смерти музыканта в его архиве была обнаружена тетрадь в шесть листов «Всякая чертовщина для балета “Лейла”»¹⁴, в ней сохранились три отрывка [Трибл, 2003].

Несомненно, интерес к этому слуху инспирировался Ремизовым, который не оставлял мысли о воплощении замысла на сцене и таким образом держал аудиторию в состоянии неугасающего интереса. В переписке с Измайловым об этом не упоминается, но в порождении интриги, кроме Ремизова и Мейерхольда¹⁵, заинтересованных лиц не было. В первой заметке от 9 февраля (№ 14660) сообщалось о сенсационной находке части рукописи Лядова, что опроверг А. К. Глазунов, разбирающий архив музыканта. В вечернем выпуске от 26 февраля этот слух повторился, но дополнился важной для Ремизова информацией: балет (русалия) «должен был явиться новым словом в области балетного искусства». Повторяя содержание заметки Мейерхольда, редакция, со слов Ремизова, акцентировала внимание на том, что музыка к постановке всё же была написана и даже засвидетельствована: «В задуманной работе А. К. Лядова больше всего заботило “море-океан” <...> Лядов унес с собой в могилу два варианта к морю-океану. Незадолго до своей смерти Лядов играл одному из своих друзей отрывки задуманного балета»¹⁶ [У рампы, 1915].

В мартовских номерах автором музыки к балетному либретто Ремизова был назван Глазунов [Новый балет..., 1915]; в заметке от 20 марта (№ 14739) из слов

¹³ Сценарий создан по мотивам книги сказок «Посолонь» (часть «К Морю-океану»), реализовывался при поддержке мецената М. И. Терещенко силами творческого коллектива: В. Э. Мейерхольд (режиссер-постановщик), М. М. Фокин (хореограф), А. К. Лядов (композитор), А. Я. Головин (художник-оформитель).

¹⁴ Н. Запорожец отмечает, что музыка к балету всё же была записана и имела тетрадь «Лейла-русалия», которую композитор сжег перед смертью, приводит автограф с нотной записью [Запорожец, 1954, с. 173, 175].

¹⁵ Мейерхольд в 1910 г. создал набросок плана балета «Лейла» (см. в статье К. Трибл [2003]), с апреля 1911 г. участвовал в обсуждении с Ремизовым и Лядовым музыкально-плясового действия, был заинтересован в реализации проекта, протянувшегося до 1915 г. и вновь не осуществленного.

¹⁶ Слушателем был С. Городецкий, автор заметки «О несостоявшемся балете Лядова» (Музыка. 1915. № 204. С. 10–11). Также см.: Поэт Сергей Городецкий, композитор Анатолий Лядов и другие... «Я Вашу музыку знаю и люблю...» / Публ. Вл. Вельяшева // Наше наследие. 2004. № 17. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7101.php> (дата обращения 10.07.2021).

музыканта и писателя становится понятно, что слух, как и информация о нотной рукописи Лядова, принадлежит Ремизову: «А. К. Глазунов, разбиравший бумаги покойного композитора, сказал нам: / – До сих пор я, к сожалению, не получил никаких сведений по поводу находки балета. Это было бы большим счастьем для истинных любителей музыки. Автор текста к балету А. Ремизов говорит: / – “Лейла и Алалей”, это – не балет, а “русалия”. Я работал сообща вместе с Лядовым, Фокиным и Терещенко. Говорят, что Глазунов согласился написать музыку на этот сюжет. Пока же не считаю возможным говорить вам, в чем заключаются свойства русалий. Пока это – секрет...» [Редакционная заметка, 1915].

Интрига Ремизова была развенчана в конце марта в интервью, продуманном писателем заранее¹⁷. В нем он объяснил специфику именованного балета русалией, раскрыл фольклорно-мифологическую основу и историю создания, – вернул к жизни на уровне читательского интереса несостоявшийся проект, который мог стать особым словом в балетном искусстве и задать направление в развитии музыкального театра. Но давняя задумка Ремизова, Мейерхольда и Фокина о постановке русалии так и не осуществилась; балетное либретто «Алалей и Лейла: русалия» было опубликовано в альманахе для детей как схема-сценарий, в предисловии автор отмечает: «И вот, когда задумался я, каким именем, по-своему, именовать балет, то лучше ничего не нашел, как назвать по старинке нашей исторической русской – русалией» [Ремизов, 1919, с. 52]. В последующих печатных версиях Ремизов преобразует сценарий в художественный текст, снимет жанровые отсылки и несущественно переработает содержание¹⁸.

Интерес к русской старине в 1910-е гг. определял художественные искания группы единомышленников Ремизова, среди которых был Н. К. Рерих; с ним писатель познакомился осенью 1905 г., а с 1909 г. находился в творческом диалоге. В 1911 г. Рерих иллюстрировал его сказку «Золотой кафтан» (Огонек. № 52), а в 1914 г. Ремизов посвятил мастеру миниатюру «За святую Русь» (Отечество. № 7), которая сопровождалась репродукцией картины «Взятие Казани» (1914), о страде и спасении России¹⁹. Позже Рерих отметит созвучие их художественных миров: «Особые отношения были с А. М. Ремизовым. С одной стороны, мы как будто и не часто встречались, но зато внутреннее ощущение было особо душевное <...> Он не только мастер слога, но и ведун души» [Рерих, 1993, с. 85].

В 1915 г. газета Проппера, с которой Рерих тесно сотрудничал, с марта по декабрь с разной интенсивностью публиковала выступления художника, отклики и сообщения о его деятельности, акцентируя внимание не только на особенностях искусства мастера исторического полотна, но и на его активной общественной позиции. Первую мировую войну Рерих переживал как трагедию, декларируя антивоенные и антинемецкие настроения, печатал отклики о собственном творчест-

¹⁷ Е. Р. Обатнина считает, что появление в газете интервью Ремизова обусловлено вниманием Фокина: балетмейстер пытался реформировать классический танец, соединив хореографию с драматическими темами, поэтому он не оставлял надежду «реанимировать спектакль», что подтверждается письмами Ремизову от 10 мая и 12 июня 1915 г. [Ремизов, 2016, с. 899]. Ремизов долгое время не мог отказаться от мысли о воплощении сценария, в письме к Рязановскому от 24 марта 1917 г. он сообщает: «Есть у меня большое к вам дело: задана мне задача мою русалию (балет) Алалей и Лейлу переделать в оперу...» (ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 23).

¹⁸ См.: Ремизов А. Русалия: Алалей-и-Лейла // Современные записки. 1922. Кн. 9. С. 88–115; Ремизов А. Русалия. Берлин; Пг.; М.: Изд-во З. И. Гржебина, 1923.

¹⁹ Подробнее см. вступительную статью С. С. Гречишкина [Рерих, 1976].

ве, статьи, очерки в защиту русских древностей и памятников старины в период исторического слома.

В конце февраля – начале марта на выставке объединения «Мир искусства» художник представил одиннадцать полотен²⁰, которые были написаны перед войной, но их образно-символический строй полностью отвечал переломным событиям и духу времени. В статье, посвященной выставкам «Мира искусства», историк и критик С. Яремич выделил полотна Рериха из почти трехсот картин и подчеркнул, что демонстрируемые работы отражают настроения эпохи, каждое произведение воинственно-символично [Яремич, 1915].

Этот цикл вдохновил Ремизова на создание серии миниатюр, посвященных истории Древней Руси. В частности, зарисовка «Прокопий Праведный» появилась еще до выставки «Мира искусства» в январском номере еженедельника «Отечество» с одноименным рисунком художника. В ней Ремизов совместил два рериховских сюжета 1914 г.: «Прокопий Праведный за неведомых плавающих молился», «Прокопий Праведный отвел каменную тучу от Устюга Великого». В июне 1915 г. в журнале «Лукоморье» появилась миниатюра «Зловещее» на сюжет картины мастера «Зловещие» (1901). Также в 1914 г. были написаны «Дела человеческие» и «Покорение Казани».

Приближающийся в декабре 1915 г. 25-летний юбилей художника, а также его влияние на развитие отечественной культуры побудило петроградское издательство «Свободное искусство» в лице Ф. Б. Бернштейна выпустить сборник, посвященный творчеству Рериха, который вышел только в ноябре 1916 г., но начал формироваться не позже мая 1915 г., о чем свидетельствует письмо Ремизова Рязановскому от 29 мая 1915 г.: «Всякий день собираюсь к вам, дорогой Иван Александрович! И все писания к картинам Рериха задерживают. В понедельник должен отдать...»²¹. Соответственно, цикл миниатюр «Жерлица дружинная» на сюжеты рериховских картин к этому времени был окончен (дописаны: «Город строят», «Зловещее», «Город обреченный», «Сокровище ангелов», «Ункрада») ²². Уже в середине октября Ремизов и Рязановский планировали посетить мастерскую художника и познакомиться с его новыми работами: «Дорогой Иван Александрович! Жду завтра 16-го часов в 6 вечера, чтобы идти вместе к Рериху смотреть его новые картины, которые он 17-го отправляет из Петербурга...»²³.

В ноябре от секретаря издательства А. Гидони Ремизов получил письмо, в котором прозвучал упрек в том, что миниатюра «Зловещее» была напечатана в «Лукоморье» без информации о готовящемся издании вопреки договору, соответственно, должна быть заменена другим произведением²⁴. Такое требование ограничивало Ремизова в публикации восьми зарисовок в других изданиях, и на юбилейную дату Рериха он откликнулся новым словом – высокохудожест-

²⁰ См.: Мир искусства. Каталог выставки картин. Пг., 1915. С. 16–17.

²¹ ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 45.

²² Подробнее о сопряжении творческих импульсов Рериха и Ремизова см.: *Завгородняя Г. Ю.* Древнерусская книжность и иконопись в зеркале стилизации (А. М. Ремизов и Н. К. Рерих) // *Завгородняя Г. Ю.* Стилизация и стиль в русской классической прозе. М.: Литера, 2010. С. 117–132.

²³ ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 48.

²⁴ РО ИРЛИ РАН. Ф. 256. Оп. 2. № 25. Л. 30.

венной зарисовкой, которой в 1924 г. откроет второе издание «Жерлицы дружинной»²⁵.

Празднование двадцатипятилетия профессиональной деятельности художника широко освещалось в прессе. На страницах «Биржевки» и «Огонька» регулярно размещались поздравления с юбилейными и значимыми творческими датами известных писателей, художников, театральных деятелей, которые активно участвовали в жизни этих проектов. 9 декабря в газете появилась статья В. Боцяновского о творческом пути Рериха, в «Огоньке» (№ 50) – юбилейный очерк. В утреннем номере «Биржевки» от 10 декабря под заголовком «К 25-летию Н. К. Рериха» размещены приветственные слова – «Через былое в будущее» С. Яремича и «Град камен Рериха» Ремизова. В этом поэтическом ремизовском гимне Рерих представлен художником и демиургом, в котором жива прапамять об истории славян, заговорившая на полотнах, и сравним с Рюриком, зачинателем Руси: «<...> И вот через сколько веков опять показался на Руси, но уж не с моря Варяжского, а из Костромы города, и сел в Петербурге на Мойке и уж не Рюрик, как величали его в Новгороде, а Рерих Николай Константинович. И опять как когда-то, он построил свой каменный город. Вспомнил, как сон, и рассказал нам о камнях, о море, где плавал с дружиной, о великанах, о змее, о нойдах, об ангеле грозном, и как строилась Русь, и как измена русских князей отворила врагу ворота на Русскую землю <...> Он построил свой каменный город, просторный, как просторное море, и вольный, как вольность Господина Великого Новгорода, и жаркой цвет от жарких костров загорелся на Русской земле» [Ремизов, 1915в].

После выхода приветственного слова Рерих откликнулся письмом, стилизованным под сказовую манеру Ремизова, отметив духовную близость, сопряжение их художественных миров и пророческий дар писателя: «Ведуну тайных сил и повелителю духов светлых, искателю сокрытых знаков от каменного града привет <...> Да хранит Вас Никола и да благословит Прокопий Праведный Вас на всех ваших путях добрых и истинных» [Рерих, 1976, с. 198–199].

В 1914–1915 гг. повременные издания Проппера приобрели в читательской аудитории особую популярность как ведущие проекты массового характера, не только отражающие ход современной истории, но и передающие атмосферу военного времени, чувства, настроения интеллигенции и народа в период исторического слома. Ремизов как представитель литературной элиты, откровенно не выступая с антинемецкими публикациями, воспринимал войну как безусловную трагедию, в своих произведениях он обращался к морально-этическим и общекультурным устоям, в контексте святоотеческих традиций проводил мысль о спасении Отечества и духовной стойкости русского народа, находящегося под защитой высших сил.

Список литературы

Запорожец Н. А. К. Лядов: Жизнь и творчество. М.: Гос. муз. изд-во, 1954. 214 с.

Каменецкий Б. Литературные заметки // Руль. 1924. 8 окт. № 1170. С. 2–3.

Макушев В. Южнорусские сказания по рукописи библиотеки Оссолинских во Львове // Журнал Министерства народного просвещения. 1881. Ч. 217. С. 94–112.

²⁵ *Ремизов А.* Жерлица дружинная: К картинам Н. К. Рериха. 1914–1915 // Ремизов А. Звенигород Окликанный: Николины притчи. Париж; Нью-Йорк; Рига; Харбин: Алатас, 1924. С. 137–158.

- <Мейерхольд В. Э. Некролог А. К. Лядову> // Любовь к трем апельсинам. 1914. № 4–5. С. 101–102.
- Новый балет А. К. Глазунова // Биржевые ведомости. 1915. 2 марта. № 14702. С. 6.
- <Редакционная заметка> // Биржевые ведомости. 1915. 20 марта. № 14739. С. 5.
- Рерих Н. К. Художники жизни. М.: Междунар. центр Рерихов, 1993. 88 с.
- Трибл К. «Ритмическое соприкосновение искусств»: Творческая история создания цикла пьес «Русалия» // Алексей Ремизов: Исследования и материалы = Aleksej Remizov: Studi e materiali inediti: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А. М. Грачева, А. д'Амелия. СПб.; Салерно: Europa Orientalis – Puskinskij Dom, 2003. С. 69–84.
- У рампы <рубрика> // Биржевые ведомости. 1915. 26 февр. № 14695. С. 4.
- Яремич С. Новизна в искусстве // Биржевые ведомости. 1915. 31 марта. № 14755. С. 2.

Список источников

- Измайлов А. А. Переписка с современниками / Преамбулы, подгот. текстов и коммент. А. С. Александрова, Э. К. Александровой, Н. Ю. Грякаловой. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2017. 728 с.
- Ремизов А. Никола милостивый, угодник Божий: Народное сказание // Биржевые ведомости. 1914а. 6 дек. № 14538. С. 2.
- Ремизов А. Отказаться ли от елки? // Биржевые ведомости. 1914б. 15 дек. № 14556. С. 4.
- Ремизов А. Отказаться ли от встречи Нового года? // Биржевые ведомости. 1914в. 31 дек. № 14584. С. 4.
- Ремизов А. Камень драгий // Биржевые ведомости. 1915а. 7 июня. № 14889. С. 2.
- Ремизов А. Следует ли авторам отвечать критике? // Биржевые ведомости. 1915б. 6 дек. № 15254. С. 4.
- Ремизов А. II. Град камен Рериха // Биржевые ведомости. 1915в. 10 дек. № 15261. С. 3.
- Ремизов А. Среди мурья и неурядицы // Биржевые ведомости. 1916. 10 апр. № 15493. С. 2.
- Ремизов А. Алалей и Лейла: Русалия // Колядный литературно-художественный альманах для детей 9–12 лет. Пг.: Изд. об-ва «Культура и свобода», 1919. С. 52–62.
- Ремизов А. М. Собр. соч. / [Подгот. текстов и коммент. А. М. Грачевой, В. Н. Быстровой, И. Ф. Даниловой, О. А. Линдеберг, Е. Р. Обатниной]. СПб.: Росток, 2016. Т. 12: Русалия. 991 с.
- Рерих Н. К. Письмо к А. М. Ремизову / Публ. и вступ. ст. С. С. Гречишкина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л.: Наука, 1976. С. 196–199.

Список архивов

- Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 32. Ремизов А. М. Письма И. А. Рязановскому. 15 окт. 1912 – 29 окт. 1915 г.
- Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (РО ИРЛИ РАН). Ф. 256. Оп. 2. № 25. Ремизов А. М. Переписка с редакциями

и издательствами <...> 1913–1920 гг.; Оп. 4. № 6. Андроникова Н. А. Письмо <Измайлову А. А.>. 1915, февр. 16; Ф. 901. Оп. 3. Ед. хр. № 714. Ремизов А. М. Письма И. И. Ясинскому.

References

- Kamenetskiy B. Literaturnye zametki [Literary notes]. *Rul'*. 1924. 8 Oct., no. 1170, pp. 2–3.
- Makushev V. Yuzhnorusskie skazaniya po rukopisi biblioteki Ossolinskikh vo L'vove [South Russian tales from the manuscripts of Ossolinski library in Lvov]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1881, pt. 217, pp. 94–112.
- Meyerkhol'd V. E. Nekrolog A. K. Lyadovu [Obituary of A. K. Lyadov]. In: *Lyubov' k trem apel'sinam* [Love for three oranges]. 1914, no. 4–5, pp. 101–102.
- Novyy balet A. K. Glazunova [New ballet by A. K. Glazunov]. *Birzhevye vedomosti*. 1915, 20 March, no. 14702, p. 6.
- Redaktsionnaya zametka [Editorial note]. *Birzhevye vedomosti*. 1915. 20 March, no. 14739, p. 5.
- Reikh N. K. *Khudozhniki zhizni* [Life artists]. Moscow, International Roerich Center, 1993, 88 p.
- Tribl K. “Ritmicheskoe soprikosnovenie iskusstv”: Tvorcheskaya istoriya sozdaniya tsikla p'es “Rusaliya” [“Rhythmic contact of the Arts”: The creative history of the creation of the cycle of plays “Rusalia”]. In: *Aleksey Remizov: Issledovaniya i materialy – Aleksej Remizov: Studi e materiali inediti: Sb. nauch. st.* [Aleksey Remizov: Studies and materials. – Aleksej Remizov: Studi e materiali inediti: Coll. of art.] A. M. Gracheva, A. d'Ameliya (Eds), St. Petersburg, Salerno, Europa Orientalis, Puskinskij Dom, 2003, pp. 69–84.
- U rampy rubrika [At the ramp category]. *Birzhevye vedomosti*. 1915, 26 February, no. 14695, p. 4.
- Yaremich S. Novizna v iskusstve [Novelty in Art]. *Birzhevye vedomosti*. 1915, 31 March, no. 14755, pp. 2.
- Zaporozhets N. A. K. *Lyadov: Zhizn' i tvorchestvo* [A. K. Lyadov: Life and work]. Moscow, Gos. muz. izd., 1954, 214 p.

List of sources

- Izmaylov A. A. *Perepiska s sovremennikami* [Correspondence with contemporaries]. A. S. Aleksandrov, E. K. Aleksandrova, N. Yu. Gryakalova (Preamble, prep. and comm.). St. Petersburg: Pushkin House Publishing House, 2017, 728 p.
- Remizov A. II. Grad kamen Rerikha [Roerich's city of stones]. *Birzhevye vedomosti*. 1915, 10 December, no. 15261, p. 3.
- Remizov A. Alaley i Leyla: Rusaliya [Alaley and Leila: Rusalia]. *Kolyadnyy literaturno-khudozhestvennyy al'manakh dlya detey 9–12 let*. Petrograd, “Kul'tura i svoboda” Publ., 1919, pp. 52–62.
- Remizov A. Kamen' dragiy [Sacred Precious Stone]. *Birzhevye vedomosti*. 1915. 7 June, no. 14889, p. 2.
- Remizov A. Nikola milostivyy, ugodnik Bozhii: Narodnoe skazanie [Nicola the merciful, the saint of God: a folk tale]. *Birzhevye vedomosti*. 1914, 6 December, no. 14538, p. 2.
- Remizov A. Otkazat'sya li ot vstrechi Novogo goda? [Should I refuse to celebrate the New Year?]. *Birzhevye vedomosti*. 1914, 31 December, no. 14584, p. 4.

Remizov A. Sleduet li avtoram otvechat' kritike? [Should authors respond to criticism?]. *Birzhevye vedomosti*. 1915, 6 December, no. 15254, p. 4.

Remizov A. M. *Sobr. soch.* [Collected works]. A. M. Gracheva, V. N. Bystrov, I. F. Danilova, O. A. Lindeberg, E. R. Obatnina (Prep. of texts and comm.). St. Petersburg, Rostok, 2016, vol. 12: Rusaliya, 991 p.

Remizov A. Sredi mur'ya i neuryaditsy. *Birzhevye vedomosti*. 1916, 10 April, no. 15493, p. 2.

Reikh N. K. Pis'mo k A. M. Remizovu [Letter to A. M. Remizov]. Grechishkin S. S. (Publ., pref.). In: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1974 god.* [Yearbook of the Pushkin House Manuscript Department for 1974]. Leninograd, Nauka, 1976, pp. 196–199.

List of archives

Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki [Department of Manuscripts of the Russian National Library]. Fund 634, Inventory 1, Item number 32. Remizov A. M. Pis'ma I. A. Ryazanovskomu [Remizov A. M. Letters to I. A. Ryazanovsky]. October 15. 1912 – 29 Oct. 1915.

Rukopisnyy otdel Instituta russkoy literatury (Pushkinskiy Dom) RAN [Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) RAS]. Fund 256, Inventory 2, no. 25. Remizov A. M. Perepiska s redaktsiyami i izdatel'stvami 1913–1920 gg. [Remizov A. M. Correspondence with editors and publishers 1913–1920]; Inventory 4, Item number 6. Andronikova N. A. Pis'mo Izmaylovu A. A. 1915, fevr. 16 [Andronikova N. A. Letter to A. A. Izmailov, 1915, Feb. 16]; Fund 901, Inventory 3, Item Number 714. Remizov A. M. Pis'ma I. I. Yasinskomu [Remizov A. M. Letters to I. I. Yasinsky].

Информация об авторе

Екатерина Евгеньевна Вахненко, кандидат филологических наук

Information about the author

Ekaterina E. Vakhnenko, Candidate of Philology

*Статья поступила в редакцию 27.07.2021;
одобрена после рецензирования 15.11.2021; принята к публикации 15.11.2021
The article was submitted 27.07.2021;
approved after reviewing 15.11.2021; accepted for publication 15.11.2021*